

Гастроли Грузинского ордена Ленина театра имени Шота Руставели

В ЗЕРКАЛЕ СЦЕНЫ

(размышления перед последним спектаклем)

Вот и подходит к концу месяц насыщенный яркими театральными впечатлениями. Гости из Тбилиси свердловчане пришли с радушем, ничем не меньшим, чем знаменитое грузинское гостеприимство. И чувства здесь не поделены: театр имени Руставели ныне один из интереснейших творческих коллективов нашей страны — театр живой, ищущий. Репертуар гастролей был составлен так, что мы получили возможность познакомиться с главными гранями этого театра. Коллектив включил в афишу наиболее примечательные спектакли последнего десятилетия: классические пьесы и современные; спектакли, различные по темам, режиссерским приемам и жанрам.

Мы часто говорим о вкладе каждого из народов нашей страны в общую сокровищницу искусства, о необходимости учиться друг у друга. Театр имени Руставели преподносит нам такие уроки. И, может быть, самый важный из них — сам масштаб разговора со зрителем, интерес к большому, крупным темам. То есть черты, которые далеко не всегда увидишь сегодня в творческих коллективах страны, несмотря на самые блестящие призы и увещания.

Дело тут, думаю, не только в традиции грузинского коллектива, история которого знает выдающиеся постановки Шенстера и других классиков мирового искусства. Дело и в индивидуальности его нынешнего главного режиссера Роберта Стура, который упорно строит свой театр, всегда являющийся, какова бы ни была тема его спектаклей — глобальной или узкой, театром публицистическим, театром громкого голоса, повышенной интенсивности выраженных средств.

Это театр политический, театр философский, театр неоплаченной работы мысли и высокого начала страстей.

Синтез мысли и чувства хочется подчеркнуть особо. Мысль здесь рождается в процессе некоего активного соучастия в том, что происходит на сцене. Мысль, в которой бьется чуткий пульс совести и тревоги человека второй половины XX века.

Сложный мир вокруг нас, требующий четкой позиции, действия, естественно вызывает в нашем сознании исторические параллели, заставляет обращаться к опыту человечества, в том числе и запечатленному искусством. Наверное, именно поэтому возник у Р. Стура замы-

сел постановки одной из наиболее трагичнейших трагедий В. Шенстера — «Ричард III».

Р. Стура по-своему осмысливает произведение, рассказывающее о кровавом пути к власти герцога Глостера, будущего короля Ричарда III. В спектакле нет трагедии потерей остатков человечности. Перед нами исторический трагедия, в котором зло, спрысывая свой шпаш, рождает новое зло, и в этом трагедия мира, позволяющая властвовать над собою.

В своей философской истории режиссер предельно стучит краски. Умиротворенный финал шекспировской пьесы (зло наказано, закончилась длительная междоусобная война) заменен в спектакле на мизансцену, полную зловещего смысла: новый властитель тянет дрожащие от натерпения руки к короне... Это финал — предупреждение. Финал — прозрение.

Но любая идейно-художественная концепция, носившая в свое время характер новаторства, затем начинает нуждаться в развитии. Не потому ли, при всей цельности замысла, при неувядающем мастерстве игры Р. Чхиквадзе в роли Ричарда, спектакль «Ричард III» стал все-таки уже вчерашним днем коллектива, сделавшего после этой эталонной для себя постановки шаг вперед. В нынешнем «Ричарде» больше, чем прежде, ощущаешь начало рационального, некий «характер», стала спокойней, даже порой скупоной игра актеров. Говорю так как человек, которому довелось видеть это блестящее зрелище в первые годы его сценической жизни, сразу же после триумфальной поездки в Англию, и чувство протрапности от встречи с искусством, сознание, до сих пор не угаснувшее в памяти.

Видимо, и самому Роберту Стура уже понадобилось более современная конкретизация ранее занимавших его идей. Так возник новый, поистине дерзкий замысел — создать сценическое произведение на основе документальной прозы, нарисовать средствами театра реальные фигуры трагедии фашизма, не только призраки, но и доселе живой дух которого не перестает волновать людей. Но как создать сценическую драматургию? В спектакле «Судный день» Стура избирает форму разговора Автора-оценщика с современными зрителями. Размышляя, вспоминая, предупреждая, этот персонаж иная, нежели руководит представлением, его мысли материализуются в живых характерах, воплощенных актерами.

Льдером среди них выступает все тот же Рамас Чхиквадзе. Рисуя фигуру Гитлера, создателя образа Ричарда III не только не повторяет себя, но обнаруживает новые грани своего актерского «я» и умения. Следуя замыслу спектакля, Р. Чхиквадзе в своей игре двуедин, показывая, с одной стороны, ничтожного, одержимого жаждой власти «маленького еврейтора» — Гитлера, с другой — гитлеризма. Какой пример развития в современных условиях приемов социальнo-исторического анализа, характерных для театра Брехта!

Роберту Стура нужен размах, — он оперирует опытом всей мировой истории и художественным достижением разных народов. Но при этом его спектакли являются спектаклями именно грузинского театра. В «Судном дне» грузинский колорит ламит, что называется, на поверхность — в него введена тема судеб Грузии. Есть и глубинный, нравственный пласт, важный для понимания искусства наших гостей. Это народная точка зрения на вещи, умение опереться на этот критерий даже в самых, казалось бы, трудных и запутанных обстоятельствах. Эта-то точка зрения и придает спектаклям руставелинскую прелесть, а в конечном итоге — историчность оптимизма.

Со связанным связано внимание театра к народному характеру, и его лучшим чертам. Так что вовсе не удивительно, что так западает в память служанка Груше из «Кавказского мовелого круга» — адонованное создание Изы Гигошвили. Мы улыбаемся доброму юмору, с которым драматург А. Чхадзе и режиссер Бадр Кобандзе рассказывают о грузинке в современном спектакле «С трех до шести». И наконец такое масштабное сценическое создание, как образ Автора-ведущего из «Судного дня», созданный Гурамом Сагарадзе. Спокойная мудрость этого персонажа, многого повидавшего, сильного, доброго (недаром с ним рядом, как выразительный символ — ребенок), неотделима от веры в конечную победу прогресса, в силу народа.

Свердловчане запомнили яркие сценические создания многих актеров: Э. Магалашвили в «Полоронах в Калифорнии» и «С трех до шести», К. Кавсадзе в «Судном дне» и «Кавказском мовелого кругу», Д. Геландзе в «Полоронах в Калифорнии», Т. Додидзе в «Роли для начинающей актрисы», — все перечислить невоз-

можно. Труппа театра имени Руставели доступна трагедия и комедия, тонкое психологическое письмо и гротеск, масштабность эпохи и камерность лирического повествования. Астер здесь не заштамповывается, не остается стоять на месте хотя бы потому, что главный режиссер театра Р. Стура просто не позволял сделать этого, предлагая все новые сценические задачи.

Спектакли театра имени Руставели — это и лаборатория сценического искусства, его возможностей. Р. Стура ищет комплекс приемов воздействия на современного зрителя, широко применяя и яркие, образные сценические метафоры, и многозначный язык притчи, и приемы открыто-публицистического спектакля. Классический образец такой синтетичности — «Кавказский мовелого круг» Б. Брехта. Возникают в репертуаре и откровенно экспериментальные постановки — «Роль для начинающей актрисы», «Полоронах в Калифорнии».

Рассказ о трагических оборотах жизни юной женщины читается Р. Стура как сложная полифония, где наряду с реальным существованием персонажа, в нескольких развивающихся параллельно планах живет материализованный мир человеческих мыслей, стремлений, опасений, надежд. Сценически реализуется и самый поток человеческого сознания, углубляя, обогащая пьесу Т. Чхадзе.

Р. Стура намеренно усиливает и художественный прием, предложенный автором «Полоронах в Калифорнии» драматургом Р. Ибрагимбаевым. По замыслу режиссера, события в Золотом Каньоне происходят не в самом деле, как в пьесе, а как бы являются содержанием кинофильма ковбойского боевика. Не видим мы антиквариата. Штамп вестерна преследует категорически, несмотря на ковбойские шляпы героев и пистолеты у пояса, и актеры виртуозно выдерживают избранный жанр. Правда, при этом пострадали упругия ритмы пьесы, присущий ей стиль сатирической броскости...

Жаль расставаться! Прощаемся, стараясь предугадать дальнейшее развитие театра, том, чем в следующий раз удивит нас Р. Стура. Покажет яркий спектакль любимой им синтетической формы? Или такой, в котором на пустую сцену выйдет актер и лишь магией своего творчества потрясет зал? Новые театральные идеи всегда подсказывает сама жизнь, ее вечно меняющиеся потребности, они же позволяют художнику заставить нас думать. Ну, а пока — скажем спасибо Искусству, объединяющему людей!

Ю. МАТФОНОВА.